

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

О НЕКОТОРЫХ РЕЛИКТАХ ДРЕВНЕИРАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ТОПОНИМИИ ОСЕТИИ

Ю. А. ДЗИЦКОЙ

В статье рассматриваются реликты древнеиранской лексики в топонимии Осетии. Большинство из них представлено как в Северной, так и Южной Осетии. Многие реликты встречаются в составе двух и более топонимов. Иранская этимология рассматриваемых здесь реликтов вполне вероятна. Особый интерес представляют агитопонимы (*Zirijy zvar* и др.), позволяющие дополнить наши представления о древнеосетинском пантеоне богов. Среди анализируемых топонимов довольно много названий горного ландшафта. Это свидетельствует о том, что лексемы, лежащие в их основе, еще недавно были в свободном употреблении. Основа **mar-* 'запруда' представлена и в топонимии современной Украины и Северного Кавказа. Это свидетельствует о скифском и аланском наследии в этих регионах. Топооснова **Baz-* 'загон' оставила свой след также и в апеллятивной лексике русского языка — ср. диалектное баз (ок) 'загон'. Это свидетельствует, как минимум, об аланском возрасте лексемы. Топооснова **Zær-* 'трава' подтверждает мнение В. И. Абаева, выделившего данную основу на базе нескольких осетинских апеллятивов. На правах заимствования она представлена в диалектах русского, удмуртского и коми языков. Два топонима позволяют реконструировать утраченные названия древнеосетинской фауны: *wærg-* 'волк' и **nāga-* 'змея'. Среди рассматриваемого материала встречается и топоформант *-sar-*, представленный в качестве непродуктивного аффикса и в апеллятивной лексике осетинского языка, а также в остальных иранских языках. В целом анализируемые тополексемы подтверждают славу о топонимии как о хранильнице архаичной и реликтовой лексики.

Ключевые слова: топонимия, Осетия, реликты, этимология.

*The article deals with relics of the Old Iranian lexicon in the toponymy of Ossetia. Most of them are represented both in North and South Ossetia. Many relicts are found in two or more place names. The Iranian etymology of relicts considered here is quite probable. Of particular interest are the agiotoponyms (*Zirijy zvar*, etc.), which allow us to supplement our knowledge about the Old Ossetian pantheon of the gods. Among the toponyms under discussion there are quite enough names of the mountain landscape. This indicates that the lexemes underlying them have recently been freely used. The stem **mar-* 'dam' is also represented in the toponymy of modern Ukraine and the North Caucasus. This points out to the Scythian and Alan heritage in these regions. The stem **Baz-* 'sheep-pen' left its mark also in the appellative vocabulary of the Russian language — cf. dialect stem *baz* (ok) 'sheep-pen'. This indicates, at least, the Alanian age of the lexeme. The stem **Zær-* 'grass' confirms V. I. Abaev's opinion, who singled out this stem on the basis of several Ossetian appellatives. As borrowing, it is represented in the dialects of the Russian, Udmurt and Komi languages. Two toponyms allow reconstructing the lost names of the Old Ossetian fauna: *wærg-* 'wolf' and **nāga-* 'snake'. Among the material under consideration there is also the topo-formant *-sar-*, represented as an unproductive affix also in the appellative vocabulary of the Ossetian language, as well as in the other Iranian languages. In general, the analyzed toponyms confirm the glory of toponymy as a keeper of archaic and relict vocabulary.*

Keywords: toponymy, Ossetia, relics, etymology.

Этимологический анализ семантически немотивированных топонимов, как и других разрядов ономастики, сопряжен с определенными трудностями. Отсутствие семантики у большей части проприальной лексики является серьезной проблемой, о чем почти столетие тому назад А. Мейе писал следующее: «Вообще этимологии собственных имен, как правило, недостоверны вследствие того, что из двух решающих факторов — звуковых и смысловых соответствий с фактами других языков — можно использовать лишь один — звуковой» [1, 40]. Именно по этой причине необходимость в этимологическом анализе ономастической лексики приводит исследователей к более строгому учету исторической фонетики и морфологии языка, с позиции которого толкуется оним. С другой стороны, успехи ономастиологии последних десятилетий в деле изучения семантики топонимических систем создают необходимые условия для разработки семантической типологии, что также способствует более точной реконструкции немотивированных топонимов.

Семантически немотивированные топонимы обычно относятся к древнейшему пласту топонимии. Они, как правило, содержат лексику, давно вышедшую из свободного употребления, либо лексику субстратного происхождения. Топонимия и является одним из надежных хранителей такого рода лексики.

В настоящей статье рассматриваются топонимы, основы которых допускают этимологию на иранской почве. Представленная в них лексика в прошлом существовала в разговорном осетинском языке, но в разное время и по разным причинам вышла из употребления.

Vaz- в топонимах *Vaz-an-a* — луг в Северной Осетии [2, 79], *Vaz-i-gon*, букв. 'прилегающее к *baz*' — пастбище в

Дигории [2, 325]², *Vaz-an-dar-a* — лес в Южной Осетии [3, II, 552], *Vaz-an-dal-a* — пашня в Южной Осетии [3, II, 558]³. Этимологии нет. Созвучие с хотаносакским *bāysaŋa* < от *bāysa-* 'лес' + суффикс *-aŋa* представляется нам случайным.

Основу *Vaz-* мы возводим к вышедшему из свободного употребления сарматскому или аланскому **baz* 'загон'. Это слово сохранилось в южнорусских говорах в форме *баз* || *базок* 'загон, скотный двор'; 'место, где делаются кизяки, т.е. топливо из сушеного скотского помета'; 'двор'. М. Фасмер сопоставил данное слово с татарским и караимским *baz* 'яма, погреб', откуда идет также калмыцкое *bas* 'скотный двор' [4, 105]. В то же время О.Н. Трубачев резонно предположил, что источником заимствования русского слова могло быть иранское **ира-аза-* 'загон' [4, 570-571]. Полностью разделяя данный вывод, мы хотели бы уточнить, о каком именно иранском языке в данном случае может идти речь. Обратим внимание на то, что кластер **ир-* в осетинском языке регулярно преобразуется в *b-* [5, 231]. Осет. преверб *ba-*, восходящий к др.-иран. **ира-*, обозначает действие, направленное внутрь: *ba-sæw-yn* 'зайти/войти' и пр. Стало быть, сложение **ира-аза-* (< из др.-иран. **až-* 'гнать, погонять; вести') на древнеосетинской почве как раз и должно было означать «за-гон». Это же сложение в других иранских языках имеет значения, плохо подходящие для объяснения происхождения русского слова: мунджанское *āvoz-*, йидга *avāz-* 'приводить' < из **ира-азаја-* (хотя здесь можно видеть и другой преверб) [6, I, 288], шугнанское *abōz-* 'глотать, проглатывать; затягиваться (при курении)'; авестийское *ipāzaiti* 'присоединяет; налагает (штраф)' [6, I, 288], *ipāzana-* 'удар; телесное наказание' [6, I, 289] и пр. Все это однозначно свидетельству-

ет о древнеосетинском происхождении русского *баз* (ок).

Наличие основы *Vaz-* в топонимии Осетии не только подтверждает сказанное, но и подводит к мысли, что апеллятив **baz* 'загон' еще в недавнем прошлом (возможно, в аланское время) был в употреблении в осетинском языке. Очевидно, существовала и производная форма **baz-āna-*, означавшая нечто вроде 'относящееся к *baz*'у'. Что касается другой производной формы — **baz-ān-dar-* 'имеющий (при себе) *baz-ān*', то она могла появиться только в топонимии. Компонент *-dar-* в ней представляет собой основу глагола *dar-un* 'держат; содержат'. Этот же элемент встречается и в других топонимах Осетии: *Æxsyr-dar-tæ* [2, 147], *Qæn-dar* [2, 372], *Čar-dar* [2, 374], *Tærsæ-dar-on* [2, 432]. Основа **dar-* представлена и в топонимии современного Ирана, в частности в наименовании провинции «Мазандеран».

Перебой *r > l* в топониме *Bazandala* мог произойти на грузинской почве.

Bod- основа нескольких топонимов: *Bod-o* — гора, луг и пастбище в Центральной Осетии [7, 539], *Bod-ox* — лес в Южной Осетии [3, II, 553], *Žæ-bod-i* — пастбище в Северной Осетии [2, 338], *K'æ-bod-a* — овраг и пашня [2, 293], *Læ-bod-a* — гора и ледник [2, 301]. Этимологии нет⁴. Возводим к др.-иран. **baud-* 'бодрствовать; чують, пахнуть', 'обонять', о котором см. [6, II, 138 и сл.]. К этой же основе восходит парфянский топоним (название имения и селения) *bwdyš/Vōdič*, букв. «Благоуханный» [8, 76]. От иранской основы **baud-* происходят также осетинские апеллятивы *bod-æp* 'чеснок' [5, 264], *bud | bod* 'ладан' [5, 269] и пр. Сюда же, возможно, относится грузинский ойконим *Bod-av-i*.

Cod-a — ледник [2, 69], **Cud-i** — скала и пастбище в Северной Осетии [2,

69, 108]. Убедительной этимологии нет⁵. Отношения между корневыми гласными ясны: историческая фонетика осетинского языка свидетельствует о первичности огласовки *-o-* и вторичности *-u-*. Обе гласные восходят к др.-иран. дифтонгу **au*, см. [9, 23-24]. Существование архаичной и новой огласовки находим и в топонимах *Ruk'* || *Rok'* — *a-tæ* (см. ниже). Основа *Cud-* || *Cod-* может восходить к этимону **čau-da-* от др.-иран. **kau-*: *ku-*: *čau-* 'гнуть (ся); извивать (ся); сгибаться, выгибаться; вогнутый, выпуклый', о котором см. [6, IV, 355]. Рассматриваемые топонимы могут означать 'нечто извивающееся/идущее извивами'.

Žiri (tæ) — пастбище, **Žirijy žwar** 'святилище Дзири' — святилище в Северной Осетии [2, 85, 114]. А.Д. Цагаева сравнивает также топоним **Žizwary tiğ** 'выступ горы у святилища Дзи' [2, 54]. Сюда же, возможно, следует отнести гидроним **Žir-a-skæ** в Дигории [2, 309]⁶, во второй части которого скрывается топоформант *-sk-*. А.Д. Цагаева [2, 85] и В.С. Уарзиати [10, 78] выводят компонент **Žiri-** из грузинского *žiri* 'корень'. Однако при такой этимологии неясны ни исторические условия появления этих топонимов, ни их идеосемантика. В то же время сопоставление **Žiri** с **Ži-** подсказывает, что компонент *-ri* — это какой-то формант. Мы полагаем, что здесь *-r-* — остаток непродуктивного суффикса прилагательных (< из др.-иран. **-ra-*), часто встречающегося в топонимии Осетии. Конечное *-i* — позднейший суффикс, также представленный в десятках топонимов. Корень **Ži-** следует возвести к др.-иран. **gai-*: *ǰ (a) i-*: *ǰi-* 'жить, существовать', о котором см. [6, III, 105-112, IV, 141]⁷. Основу **Žir-** возводим к др.-иран. **ǰai-ra-* > **ǰer-*, букв. 'имеющий отношение к жизни'. Не исключено, что сюда же относится эпическое имя **Žerassæ** — так

зовут дочь владыки вод Донбетра, родоначальницу живых существ на земле. Ср. также (женское?) имя собственное *Ziræ*. В рассматриваемом агиотопониме речь может идти о покровителе живых существ.

K'as- в топонимах *K'as-ar-a-gom* 'ущелье Касара' — ущелье [2, 198-199], *K'as-a-gom* 'ущелье Каса' — святилище в Северной Осетии [2, 116], *K'as-t-aw* — ущелье в Южной Осетии [3, I, 200]. Судя по денотату, основа *K'as-* восходит к апеллятиву, означавшему 'ущелье; теснина' или подобное. Ср. др.-иран. основу **kas-*, восстановленную Г.В. Бейли для сакского *kasā* 'внутренняя часть', осет. *k'æs* || *k'æsæ* 'избушка, хижина' и осет. *c'ass* || *c'assæ* 'щель; скважина; ущелье' (< **sčasa-*) [11, 57]. Если эти слова действительно связаны между собой этимологическим родством, то необходимо объяснить, во-первых, появление абруптива в осетинских словах, во-вторых, расхождения в анлауте осетинских форм, в-третьих, удвоение *-ss-* в последнем слове и, в-четвертых, растяжение корневой гласной в этом же слове.

Учитывая, что инициальная абруптивная *k'* — в исконной части осетинской лексики часто появляется на месте др.-иран. кластера **sk-*, для рассматриваемых слов можно восстановить этимон в виде **skasā-* от др.-иран. **skaś-* < **s-mobile* + *kaś-* 'быть острым'. Основа **kaś-*, реконструированная для иранского названия 'ячмень' [11, 107; 6, IV, 337-338], возможно, родственна др.-иранскому **kah-*: *kasta-* 'раскалывать (ся), расщеплять (ся)' [6, IV, 169-170, 337]. Для семантического развития 'колоть/раскалывать' > 'ущелье' ср. др.-иран. **dar-* 'рвать, разрывать; резать; кромсать, терзать; расщеплять (ся)' [6, II, 340] > др.-иран. **dara-* 'ущелье, долина' [6, II, 344], др.-иран. **kah-* 'расщеплять (ся), раскалывать (ся)' >

**kāhman-* > **kāman-* > осет. *kom* 'рот; ущелье' [5, 598-599; 6, IV, 169], курд. *škāftin* 'распарываться; трескаться; лопаться' > *škavt* 'пещера; грот; трещина; щель'. То есть 'ущелье' — это место, где гора «расколота» надвое.

В случае, если топооснова *K'as-* примыкает к этой группе слов, то для нее следует реконструировать каузативную основу **skāśaija-* 'разрывать, расщеплять', букв. 'заставлять раскалываться', а лексему *c'ass* || *c'assæ* 'щель; ущелье' удобнее возвести к производной форме **skaś-ija-* > **sčāś-ija-* > **sčassa-*, признав геминату *-ss-* результатом ассимиляции⁸, а появление корневой *-a-* вместо *-æ-* отнести на счет хорошо известного закона растяжения др.-иран. краткого **-a-* в позиции перед двумя согласными конечного слога. Следовательно, конечное *-æ* в дигорском *c'assæ* — явление вторичное⁹. Соседство с **i* могло стать причиной палатализации **k > *č*.

Остается добавить, что по семантическим причинам связь осетинского *k'æs* || *k'æsæ* с данной группой слов представляется нам не слишком очевидной. Оно, возможно, относится к скифо-европейским изоглоссам, или же примыкает к чувашскому *kas* || *kasā* 'выселок; околоток; часть деревни; улица'.

Lamardon — селение в Северной Осетии [2, 55-56], селение в Южной Осетии [3, I, 151]. Приемлемую этимологию предложил Б.А. Алборов — из **Raw-mar-don* 'вода запруды большой реки', где *don* — это 'река', *mar-* — основа слова, означающего 'запруда', а первый компонент тождествен апеллятиву *raw* [12, 96].

Компонент *-mar-don-*, действительно, связан с апеллятивом *don-mar-æn* 'плотина, запруда'. Топоним *Lamardon*, с учетом сказанного выше, можно перевести как 'поляна у запруды' или 'поляна с запрудой' (о компоненте *raw* см. ниже).

Компонент *-mar-* представлен и в гидронимии Скифии и Сарматии. Но перед тем, как перейти к рассмотрению соответствующих гидронимов, следует отметить, что этимология компонента *-mar-* до недавнего времени оставалась неясной. В.И. Абаев восстанавливает др.-иран. **mār-* ‘давить’ и относит сюда как осет. *donmaræp* ‘запруда’, так и *læmaryp* ‘выжимать, отжимать’ [13, 27-28; 14, 10]. Р.Е. Эммерик реконструировал для сакского *ggimetāñ-* ‘устранять, убирать’ этимон **vi-māraua-*, относя сюда также осет. *læmaryp* [15, 30]. Дж. Чёнг дает два разных др.-иран. глагола — **¹mār-* ‘тереть; давить’ [16, 267] и **²mār-* ‘преграждать; мешать’, последний из которых соответствует древнеиндийскому корню *mar-* ‘мешать, препятствовать’, а осет. *læmaryp* относит к первому из них [16, 268]¹⁰. Д.И. Эдельман считает др.-иран. **²mār-* ‘мешать, препятствовать’ «сомнительным корнем» [6, V, 353], а осет. *læmaryp* (< **fra-mār-*) относит к гнезду глагола **mar-* ‘молоть, размалывать, раздроблять; мять, разминать, раздавливать; размягчать; растирать; размельчать растиранием’ [6, V, 223].

Необходимо отметить, что осет. *læmaryp*, как и осет. *donmaræp*, предполагает долгое **ā* в древнеиранском этимоне. Кроме того, значение ‘мешать, препятствовать’, на наш взгляд, больше подходит для осет. *donmaræp*, так как ‘запруда’ — это скорее ‘место, где воде *преграждают* путь, мешая ее продвижению’, нежели ‘место, где *давят* воду’. Можно предположить, что др.-иран. **²mār-* ‘мешать, блокировать’ является семантическим дериватом основы **¹mār-* ‘тереть, давить’, что, собственно говоря, вытекает и из этимологии В.И. Абаева.

Обратимся теперь к украинским гидронимам *Хамрачь*, *Хмара*, *Хмарка*, *Хо-*

мора, *Хоморец*, для которых В.Э. Орел реконструировал скифский этимон **hu-mār (y) a-*, **hu-mār (y) aka-*, видя в первой части др.-иран. **hu-/hū-* ‘хороший, добрый, красивый’, а во второй — др.-иран. **mārija-* ‘стоячая вода; озеро; море’, отложившееся и в осетинском *mal* ‘глубокая стоячая вода, омут’ [17, 111].

Хорошо известно, что др.-иран. кластер **rj* в осетинском языке перешел в *l (l)*. Этот переход, как полагают, свершился в скифо-сарматское время, не затронув некоторых говоров. Исходя из сказанного, рассматриваемые украинские гидронимы вполне можно признать наследием тех скифо-сарматских говоров, которые остались индифферентными к переходу **rj > l (l)*. Но отсутствие в них следов скифского *-j* наводит на мысль, что в этих гидронимах можно видеть и основу **māra-* ‘запруда’.

Следующие соображения склоняют нас ко второму предположению. Во-первых, компонент **mar-* | **mār-* представлен и в гидронимии Кавказа, где является, скорее всего, аланским наследием. Это: *Mar-a* — правый приток Кубани, *Xu-mar-a* — река в Карачево-Черкесии, *Mar-tan* — река в Чечено-Ингушетии. Поскольку компонент **mar-* (а не *mal*), снабженный эпитетом **hu-*, повторяется и на Кавказе, есть основания полагать, что и в перечисленных украинских гидронимах представлена основа **māra-* ‘запруда’, а не **māri-* ‘стоячая вода’.

Во-вторых, основа **māra-*, как мы полагаем, зафиксирована и в сарматской гидронимии. Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 20) называет среди прочих рек Сарматии гидроним «Марабий», который можно возвести к др.-иран. **māra-āra-* ‘река с запрудой’¹¹, являющемуся синонимом рассмотренного выше *-mar-don*. С другой стороны, Геродот (IV, 48) в числе прочих притоков Истра (соврем.

Дунай) называет реку *Máris*¹². И хотя данный гидроним обычно этимологизируют на фракийской почве, можно предположить, что в его основе лежит др.-иран. (скифское) **māri-* 'глубокая стоячая вода'. Утверждая это, мы имеем в виду также и следующее высказывание А. А. Зализняка: «Есть все основания полагать, что систематическое изучение современной гидронимии бассейнов Дона, Днепра и Буга, Днестра, а может быть, также и Дуная, с точки зрения возможности иранского происхождения даст значительные результаты» [18, 45].

Таким образом, в гидронимии Скифии и Сарматии следует различать основы **māri-* и **māra-*, подобно тому, как в гидронимии Осетии, а также в современном осетинском языке различаются *mal* и *-mar-*.

Остается добавить, что в случае корректности предложенных этимологий, 'запруда' играла важную роль в схеме описания географических объектов у древних осетин, выступая в роли актуальной географической вехи. Возможно, такую же роль 'запруда' играла и в адыгской традиции. Ср. этимологию Дж. Коларуссо для адыгского названия 'Азовского моря' — *Məwət'a* — из адыгского сочетания «то, что невозможно перегородить запрудой» [19, 13, 16].

Lwar — селение в Северной Осетии. А. Д. Цагаева сопоставила с этнонимом «глуар», встречающимся у древнеармянского историка Фавста Бузанда [2, 186], что сомнительно. В рамках исторической фонетики осетинского языка ойконим *Lwar* восстанавливается в **Lawær < *Rawær*. Для понимания сути произошедших фонетических изменений следует учесть два обстоятельства.

Во-первых, древнеиранский кластер **āŋa* в дигорском диалекте осетинского языка отражается в виде *awæ*, а в иронском — в виде *wa*. При этом

иронское *wa* тоже произошло из *awæ*. Поэтому мы имеем регулярное соответствие иронского *wa* дигорскому *awæ* по всей исконно иранской лексике: *bwar* || *bawær* 'тело', *nwar* || *nawær* 'жила', *swar* || *sawær* 'минеральный источник' и т.п.

Стяжение *awæ > wa* происходит и в относительно поздних образованиях на стыке двух морфем по схеме «финаль *-aw* + анлаут *æ-*». Ср. осетинское (иронское) *rævdwan, rævdawæn* 'то, чем убажуют (детей)', 'яйцо' являющееся отглагольным именем на *-æn* от *rævdawun* 'ласкать'. Даже при отсутствии нестяженной формы, в этих образованиях легко угадывается производящая основа. Так, А. Д. Цагаева не затруднилась перевести топоним *Galxwan* как 'Место падения вола' [2, 27], так как он легко восстанавливается в **Galxawæn*, где *gal* — это 'вол; бык', а *xawæn* — производное на *-æn* от глагола *xawun* 'падать'.

Таким образом, ойконим *Lwar* восходит к более полной форме **Lawær* и относится к очень древнему пласту топонимии Осетии, так как в нем не просматривается ни производящая основа, ни формант, с помощью которого он образован¹³.

Во-вторых, осетинский язык не терпит встречи двух *r* в одной словоформе и первую из них подвергает диссимилятивному изменению в *l*. Следовательно, восстановленное **Lawær* предполагает праформу **Rawær*, которая, в свою очередь, восстанавливается в др.-иран. **rāŋa-ra-*, где конечное **-ra-* — это суффикс прилагательных. Основу **rāŋa-* мы связываем с памирским словом *rāw*, которое переводят как 'зеленые уголья', 'уголья с покосами, посевными (часто богарными) площадями вне сел', 'холм, возвышенность'. На Памире, как и в Осетии, данная основа сохранилась только в составе топонимов. Дальнейшие связи основы **rāŋa-* ведут к и.-е. **rewə-*,

ср. др.-иран. **rāça-na-* ‘открытое место, пространство’, откуда идет, в частности, осет. *ran* || *rawæn* ‘место’ [13, 349].

Реконструированное **rāça-ra-* может означать либо ‘относящийся к ровному, открытому месту/ровный/равнинный’ > ‘на равнине/на поляне (находящийся)’, либо ‘холмистый’. И хотя в пользу последнего предположения может свидетельствовать географическая реалья (селение *Lwar* «стояло на высоком бугре» [2, 186]), с учетом этимологических связей мы отдаем предпочтение первому из них. Сюда же, на наш взгляд, можно отнести топоним *Rawwættu xwumtæ* ‘Пашни на ровном месте (?)/пашни на холме (?)’ [3, I, 107]¹⁴.

Mağ — селение в Дзумагском ущелье Южной Осетии [3, I, 152], *Maуу æfcaeg* ‘Магский перевал’ [3, I, 63, 119], *Maуу don* ‘Река Маг’ [3, I, 90], *Maуу ray* ‘Магский хребет’ [3, I, 560]. Сопоставляем с др.-иран. **maga-* ‘углубление в земле, яма’ [3, I, 152], откуда идут также авест. *maуа-* (муж.р.), *maуā-* (жен.р.) ‘отверстие, дыра, углубление в земле, яма’, среднеперсидское *maу* ‘яма, углубление, впадина’ и пр., о которых см. [6, V, 124]. Для оправдания *-a-* в *Maу* следует исходить из формы локатива **māуai-* ‘(нечто, расположенное) в углублении’. Ср. авест. *maēуа-* ‘яма’, которое считается искаженной формой от **māуе* — локатива продленной формы **māуа-* от обычной *maуа-* ‘углубление, яма’ [56, 90]. Данная этимология хорошо соответствует географической реалии, так как селение Маг расположено прямо под Главным Кавказским хребтом, который именно в этом месте резко понижается, образуя удобный для перехода *Maуу æfcaeg* ‘Магский перевал’.

Не исключено, что рассматриваемая основа сохранилась и в топониме *Зотау* — названии селения, расположенного недалеко от селения *Maу* [3, I, 144-145],

а также всего ущелья, в котором расположены перечисленные географические объекты [3, I, 65]. В компоненте *Зо-* можно видеть рефлекс др.-иран. **çau-* ‘гнуть (ся); извивать (ся); сгибаться, выгибаться; вогнутый, выпуклый и т.д.’ [6, IV, 355]. Исходная древнеиранская форма **çau-māуai-* могла означать ‘в глубокой впадине (находящееся)’.

Ср. также североосетинский топоним *Maу-ur-i-tæ*, происхождение которого считается неясным [2, 246]. Созвучие с допермским **māуе* ‘земля’, откуда идут коми и удмуртское *ти* ‘земля’, следует признать случайным.

Narg — участок леса в Северной Осетии [2, 217, 248], *Nargæ* — участок леса в Дигории [2, 319]. У А. Д. Цагаевой без этимологии, хотя в другом месте она с сомнениями отмечает, что «в сванском *наргъи* — «луч»» [2, 294]. Этот топоним можно возвести к праформе **nāg-rā-* и связать с др.-иран. **naga-*, **nāga-* ‘змея, дракон; змея’ (о котором см. [6, V, 418]), то есть «(место), обильное змеями». Сюда же топонимы *Naryэ* и *Fətnaryэ* ‘плохой *Naryэ*’ в Балкарии.

Qatamoğ — пастбище в Северной Осетии [2, 271]. У А. Д. Цагаевой без этимологии. Делим на *Qat-a-moу*, где *-a-* — соединительная гласная, компонент *-moу* неясен по происхождению, но в форме *-miу* представлен еще и в орониме *Žermiу* [3, I, 76] и, возможно, является производным от др.-иран. **maуi-*: *ти-* ‘быть влажным; увлажнять; влага; жидкость; муть, мутный’, о котором см. [6, V, 275]. Первая часть предполагает этимон **gāда-*, который трудно отделить от авестийского *vi-gāд-* ‘овраг; пропасть’, см. [6, III, 99]. Вполне вероятно, что другим рефлексом др.-иран. **gāда-* является компонент *-yat-*, представленный в целом ряде топонимов Северной Осетии: *Al-yat* — пастбище (первая часть неясна) [2, 222], *Gom-yat*

— гора, *Gom-yat-y* — ущелье (в первой части — *gom* ‘открытый, на виду’) [2, 196], *Čar-yat-y xwumtæ* ‘Пашни Чаргат’ (первая часть неясна) [2, 277], *Čar-yat* — пастбище (в первой части — *čar* ‘кора; кожа; кожа; верхний слой’) [4, 276], *C’is-al-yat* — лес (два первых компонента неясны) [2, 221, 277]. См. ниже *Wæqæsa*.

Ræscaw — луг в Северной Осетии [2, 251], *Ræscaw adægtæ* ‘Овраги Расав’ — пастбище [2, 251]. Сибилянт *-s-* во втором из них возник вследствие спирализации из *-c-*. Формант *-aw* встречается во многих других топонимах: *Žyzaw* [2, 30], *Tybwaw* [2, 36] и т.п. По происхождению он, возможно, связан с флексией уподобительного падежа *-aw*, обильно представленного в топонимии: *Kævdæscaw* ‘Подобный яслям/Похожий на ясли’ [2, 32], *Zærvatykkaw* ‘Подобная ласточке/Похожая на ласточку’ [2, 66] и т.п. Компонент *Ræsc-* не имеет в современном осетинском языке внутренней мотивации. Его следует возвести к др.-иран. **frača-* ‘(направленный) вперед’, о котором см. [5, III, 56]. Кластер **fr-* в осетинском регулярно отражается в виде *r-* [17, 45]. Возможно, к производной форме от этого же наречия — **fračja-* ‘направленный вперед’ (см. [6, III, 57]) — восходит ойконим *Læsc* в Северной Осетии, не имеющий этимологии.

Rovvændag — дорога в Южной Осетии < из **Ron-vændag*, букв. ‘ремень (ron) — дорога (fændag)’ [3, II, 527]. Для ассимиляции *-nv-* > *-vv-* ср. *ævvaxs* ‘близкий’ из *æt + faxs* [5, 206] и пр. Для использования слова *ron* ‘ремень’ в качестве топоосновы ср. груз. топоним *Ġvedr-et-i* от *ġved-i* ‘ремень’, *ġved-ur-i* ‘ременный’ и пр. [3, II, 120]. Не исключено, однако, что перед нами случай народноэтимологического сближения рассматриваемого топонима с апеллятивом *ron* ‘ремень’. Компонент *Ron-*

легко восстанавливается в **frāna-*, что в древнеиранском означает ‘ровный, плоский’, см. [6, III, 78-79; 21, 304-305]. То есть **Ron-vændag* в архаизирующем переводе может означать ‘ровная, гладкая дорога’.

Сюда же можно отнести топоним *Gožyrættæ* в Северной Осетии, в котором выделяют апеллятив *ran* ‘место’ [2, 229]. Ср. также топоним *Ixaldi ronæ* — не ‘Пояс обвала’, ‘Полоса у обвала’ [2, 457], а ‘ровная (площадка) с обвалом’. Точно так же топоним *Tætorson ronæ* ‘Таторса пояс, полоса’ [2, 473] можно понимать как «Ровная (поляна) у (местности) Таторс».

Ruzağædtæ — лес с редким кустарником в Северной Осетии [2, 319]. Делится на *Ruz-a-yæd-tæ*, где *-a-* — соединительная гласная, — *yæd-* — живое слово *qæd* || *yædæ* ‘лес’, а *-tæ* — суффикс мн. числа. Оставшаяся часть *Ruz-* — это рефлекс др.-иран. основы **rauča-* ‘свет’, в осетинском сохранившейся только в производной форме *ruzung* ‘окно’ < др.-иран. **raučanga-* [13, 428-429] или **raučanakā-* [9, 311]. Сюда же — осет. *ruxs* ‘свет’ < др.-иран. **rauxšna-* от **rauk-* ‘светить’ [13, 435-437; 9, 312]. Этимологически сюда относятся латинское *lūcus* ‘роща’, первоначально ‘участок земли, где вырублен лес’, др.-инд. *lōka-* ‘открытое пространство, земля, мир’, литовское *laūkas* ‘поле’ ~ латинское *lūx* ‘свет’, др.-инд. *roča-* ‘светлый’ и т.п. Таким образом, рассматриваемый топоним первоначально означал ‘светлый лес’, то есть ‘лес, ставший «светлым» в результате вырубки деревьев’.

Ruk’ — селение [3, I, 153-154], **Rok’** — **a-tæ** — селение в Южной Осетии [3, I, 289]. Восходит к др.-иран. **rauка-* (< и.-е. **loukos*) ‘прогалина’, откуда идут также др.-инд. *lōka-* ‘открытое место, пространство, мир’, лат. *lūcus*, литов. *laūkas* ‘поле’, др.-в.-н. *lōh* ‘заросшая про-

сека, нем. *Loch* ‘дыра, отверстие’, топоним *Water-loo* и пр. [22, 54, 72] (см. предыдущий топоним). Латинское *locus* ‘место’, видимо, сюда не относится. На иранской почве ср. также ваханское *rəč* ‘лужайка; небольшой мокрый или заболоченный лужок’, широко представленное и в топонимии Вахана [21, 300]. Происхождение этого слова считается неясным [21, 300]. Ваханское *ə* в некоторых случаях восходит к др.-иран. **au* [21, 50, 301], а *č* — к др.-иран. **k* [21, 19-20]. Следовательно, ваханское *rəč* может восходить к др.-иран. **rauka-* ‘прогалина, поляна’. Абруптив *k* в осетинских топонимах говорит об уменьшительности — ‘небольшая лужайка/поляна’.

— *sar-* — формант, представленный в следующих топонимах: *Nar-sar-a* [2, 283, 387], *Dyž-i-sar* [2, 152], *P'en-sar-tæ* [2, 250], *Xwæræn-sar* [2, 369], *Qæd-sar* [3, I, 261], *Šyp-sar kærdo* [3, I, 402], *Rağ-sar Wastyrži* [2, II, 511]. Непродуктивный суффикс *-sar-* выделен и в апеллятивной лексике осетинского языка: *tæssar* ‘поворот; склон’, *xalsar* ‘зелень; овощи’, *xussar* ‘юг, южный склон’, *fændagsar* ‘покровитель дорог’. Восходит к др.-иран. суффиксу **-sāra-*, не имеющему надежной этимологии [23, 127-128; 21, 308], откуда идут также: авест. малопродуктивный суффикс *-sāra-*, среднеперсидский суффикс. *-sār*, классический персидский *-sār*, таджикский *-sōr*, современный персидский *-sār* и пр. Возможно, что и аланский топоним *Kizg-an-sar* в Балкарии означает ‘нечто, принадлежащее девушке’.

Segga — пастбище в Южной Осетии [3, II, 434]. Формант *-a* имеет свойство удлинять предшествующий гуттуральный, ср. *sag* ‘олень’ — фамильное имя *Sagg-a-tæ* ‘Сагкаевы’, мужское имя *Xetæg* — фамильное имя *Xetægg-a-tæ* ‘Хетагуровы’ и пр. Корень *Seg-* можно возвести

к др.-иран. **śaij (a)* — *ka-* — производному от основы **śaij-* ‘жить, обитать’, о которой см. Эта же основа представлена в осетинском апеллятиве *syx* || *sinx* ‘квартал (селения)’ (< **śaij (a)* — *na-ka-*). Следовательно, иронская форма *syx* из **syxx* < *sinx*. Сюда же, на наш взгляд, топоним *Syn-yx-u* [2, 96] если из **śaij (a)* — *nu-ka-* + вторичный суффикс *-u*. См. также следующий топоним.

Seğæwwat — название селища, ущелья и луга в Южной Осетии [3, I, 496, 410, 467]. Во второй части скрывается слово *qæwwat* ‘селище’, ставшее компонентом рассматриваемого топонима до изменения анлаутного *ğ-* в *q-*. Оставшаяся часть *Se-* в современном осетинском языке ничего не значит. Точно такой же элемент зафиксирован в топонимии Дигории: *Sedongon* ‘У речки Се’ [2, 356]. Мы связываем компонент *Se-* с др.-иран. **śaija-* ‘жилище’. О других следах данной основы см. выше.

Suræ don — река в Дигории [2, 313]. Этимология на тюркской почве из *su* ‘вода’ + суффикс множественности *-lar* [2, 313] не представляется нам убедительной ввиду неясности фонетических изменений **sular* > *Suræ*. На Украине известны гидронимы *Сура*, *Сула*, *Шура*, *Суров*, *Засуров*, *Сулова*, которые сближают с авестийским *sūra-* ‘дыра, отверстие, скважина’ [17, 111]. Очевидно, данное название первоначально прилагалось к истокам реки, а затем было перенесено на всю реку. Ср. также гидроним *Сура* — название ручья у истоков реки Буйчик в бассейне Верхнего Дона. Дигорское *Suræ don* следует связать с перечисленной группой гидронимов.

Warc'e — селение в Северной Осетии [2, 286]. Этимологии нет. Компонент *-c'e* встречается и в ойкониме *Xwyc'e* [3, I, 295-296], а также в оронимах *Swaryc'i æfczytæ* ‘Перевалы Суарици’ [3, II, 355], *Swarc'ijy xox* ‘Тора Суарци’ [3, II,

366], где *swar* — ‘минеральный источник’. Оставшуюся часть *War-* следует связать с др.-иран. **uāra-* (< и.-е. **uer-*), авестийским *vāra-* ‘защита’ и пр.¹⁵ Сюда же, очевидно, топонимы *War-a-bax* (с неясной второй частью, см.: [2, 219, 262]) и *War-ix* [3, I, 320]. В языке осетинского фольклора находим еще ороним *Wary kom* ‘ущелье Вар’. Др.-иран. основа **uāra-* представлена и в осет. *wart* ‘щит’ [24, 50-51]. Отнесение к этому же гнезду осет. *goren* ‘ограда; стена’, *gæræp* ‘ограждение; забор’, якобы из др.-иран. **varana-* [11, 91], наталкивается на фонетические трудности: др.-иран. **u-* не может дать в осетинском языке *g-*.

Wæqæcæ — селение в Дигории [2, 390]. Этимологии нет. Инициальная группа *wæ-* может восходить к др.-иран. **aça-* [16, 118-119; 24, 63, 95-96]. Учитывая это, компонент *Wæ-* можно возвести к др.-иран. указательному местоимению **aça-* ‘тот’. Оставшуюся часть (*-qæcæ*) мы возводим к др.-иран. **gāθ-ia-* — производному от др.-иран. **gāθa-* ‘овраг, пропасть’ (см. выше). Буквальное значение всего сложения может быть ‘к тому (верхнему) оврагу относящееся’, «вон там высоко-высоко наверху, рядом с оврагом»¹⁶, то есть «нечто, расположенное рядом с верхним оврагом». Долгая **ā* в позиции перед кратким **i* в осетинском обычно «сокращается». Др.-иран. **θ* в позиции перед тем же **i* обычно переходит в аффрикату *s*. Развитие др.-иран. **g* > (**γ*) > *q* характерно для иронского, но не дигорского диалекта. Можно думать и о контаминации со словом (диг.) *qwaecæ* ‘дым’, которая могла бы объяснить и появление конечного *-æ* в анализируемом ойкониме.

Wærgæt — лес и пастбище в Северной Осетии. Цагаева делит на *Wærg-* + *-æt*, видя в первой части рефлекс др.-иран. **uṛka-* ‘волк’, а во второй — осетин-

ский суффиксоид *-wat* ‘место’ [2, 476]. Данная этимология принята Абаевым [24, 93]. Однако компонент *-æt* не может восходить к *wat* по фонетической причине. Очевидно, здесь отложился непродуктивный суффикс *-æt*, представленный и в апеллятивах *lægæt* ‘пещера’, *særvæt* ‘пастбище’ и пр. Ср. также грузинский ойконим *Varg-av-i*.

Zæriw — пастбище в Северной Осетии [2, 31]. В первой части, несомненно, скрывается осетинское **zær* (*æ*) — ‘трава’, выделенное Абаевым в составе нескольких апеллятивов [24, 298-299]. Эта же основа распознается в топонимах *Zæra-m-æg* и *Zærwæ-g*. Конечное *-iw* — это формант, представленный и в таких топонимах, как *Cæzziw* || *Cæžziw* [4, 73], *Cæžiw* [2, 131], *Qæriw* [2, 68], *Qæssiw* [2, 106], *Næziw* [3, II, 510].

Рассмотренный материал подтверждает высказывавшееся ранее мнение о наличии в топонимии Осетии реликтов древнеиранской (скифо-сармато-аланской) лексики. Некоторые из них имеют следы и в апеллятивной лексике осетинского языка: **azæn* ‘место переправы’, *Ærk* — ‘крепость’, *Vaz-* ‘загон’, *Bod-* ‘благоухающий’, *Kas-* ‘ущелье, теснина’, *La-* || *Raw-* ‘холм’ (?), ‘равнина/поляна’ (?), *Ræc-* ‘передний’, — *mar-* ‘запруда’, *Ruz-* ‘светлый, редкий лес’, — *sar-* (топформант), *Se-* || *Seg-* ‘поселение’, *War-* ‘оборонительное заграждение; фортификационное сооружение’, *Zær-* ‘трава’. Другие представлены исключительно в топонимии: *Cod-* || *Cud-* ‘кривой; вогнутый, глубокий’, *Dom-* ‘создание; творение’, *Žir-* ‘дающий жизнь’, *Mağ* ‘углубление’, *Mez-* ‘текущий’, **Nağ-* ‘змея’, *Qat-* ‘овраг’, *Ron-* ‘ровная площадка в горах’, *Ruk* — || *Rok* — ‘прогалина, лужайка’, *Sur-* ‘исток реки’, — *ud-* ‘источник; ручей’. А один из реликтов засвидетельствован

как в топонимии, так и в осетинской антропонимии — *Wærg-* ‘волк’.

Рассмотренные реликты равномерно представлены в нагорной Осетии.

Они представляют интерес как с точки зрения истории осетинского языка, так и с точки зрения этнической истории Осетии.

Примечания:

1. В работе В. И. Абаева обе основы представлены как одна.
2. Словообразовательная структура данного топонима не совсем обычна. Ср. ойконим *Zrigættæ* в Северной Осетии [2, 281] — форма им.п. мн.ч. от *Zyr-i-gon*, букв. ‘прилегающий к валуну (*zyr*)’, ‘находящийся рядом с валуном’.
3. Ср. также грузинский ойконим *Vaz-al-et-i*.
4. Последние три топонима допускают и иную возможность членения: в них можно выделить непродуктивный суффикс *-od-*.
5. Утверждение о том, что топоним *Cudi* может быть объяснен «только при помощи кавказских языков, в данном случае грузинского» [25, 129], основано не на анализе материала, а на убеждениях автора.
6. В соответствии с иронской формой *Zir-* в дигорском ожидали бы **Zer-*.
7. Родственно русск. *жить, живой*. К производной др.-иран. форме **ji a-* ‘живой’ + суффикс **-ra-* может восходить и осет. *zwar* ‘святой; святилище’.
8. Ср. аналогичную ассимиляцию в словах, образованных с помощью суффикса **-iag:* *aqaz* — *aqazzag* ‘превосходный’, *raz* — *razzag* ‘передний’ и пр. [9, 129, 159].
9. О вторичном дигорском *-æ* см. [9, 83].
10. У Дж. Чёнга в обоих случаях — др.-иран. **marH-*.
11. Ср. также гидроним *Марефа* || *Мерефа* || *Марехва* в бассейне Северского Донца.
12. О различных опытах отождествления этой реки см. [26, 275].
13. Точно такую же процедуру предполагает топоним *Twar*, не имеющий удовлетворительной этимологии [2, 97]. Восстанавливаемая форма **Tawær* происходит от осет. *taw* | *tawæ* ‘отава’ + суффикс.
14. Менее вероятно видеть здесь осет. *rawwat* ‘разрушение; негодность; ветхость’. Ср. также выражение *rawu zærvatykk* ‘ласточка (из местности?) raw’ в языке осетинского фольклора.
15. Родственно русск. (диал.) *вар* ‘скотный двор’, *вор (а)* ‘забор, ограда’, др.-руссск. *ворь* ‘забор’, литовскому *vāras* ‘столб, кол в изгороди/заборе’ и пр., о которых см. [4, 273, 350].
16. В семантическом плане ср. топоним *Wælæ-wælazæntæ* ‘Вон те места, откуда скатывают’ [2, 262-263].

1. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании/Пер. с франц. М., 1954.

2. Цагаева А. Д. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Ч. II.

3. Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии. М., 2013. Т. I; 2015. Т. II.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка/Пер. с нем. М., 1986. Т. I.
5. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. I.
6. Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. I; 2003. Т. II; 2007. Т. III.
7. Цагаева А. Д., Абаев А. И. Топонимия Трусовского ущелья // Отчий край: Трусовское ущелье. Кудское ущелье. Кобийская котловина. Владикавказ, 2008. С. 525-600.
8. Лившиц В. А. Парфянские топонимы // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Елены Ефимовны Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 73-84.
9. Чёнг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма/Пер. с англ. Владикавказ — Цхинвал, 2008.
10. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.
11. Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge (etc.), 1979.
12. Алборов Б. А. О названиях сел и рек Северной Осетии // Мах дут, 1966. № 4. С. 94-96. (на осет. яз.)
13. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. II.
14. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М., 1995.
15. Emmerick R. E. Saka Grammatical Studies. London, 1968.
16. Cheung J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden/Boston, 2007.
17. Орел В. Э. К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 107-113.
18. Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. 1962. Вып. 6. С. 28-45.
19. Nart Sagas from the Caucasus: Myths and Legends from the Circassians, Abazas, Abkhaz and Ubykhs. Assembled, Ttranslated and Annotated by John Colarusso. Princeton and Oxford, 2002.
20. Gershevitch I. Etymological Notes on Persian *mih*, *naḫčīr*, *bēgāne* and *bīmār* // Dr. J. M. Unvala Memorial Volume. Bombay, 1964. Pp. 89-94.
21. Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
22. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание/Пер. с нем. М., 1980.
23. Абаев В. И. Персидский топоним *Xūnsār* // Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969. С. 125-128.
24. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV.
25. Цагаева А. Д. К этимологии одного осетинского топонима // Топонимика Востока: исследования и материалы. М., 1969. С. 128-132.
26. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.